

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 271.22(571.17)-9

В.Л. Правда

НОВОМУЧЕНИК ИЗ СЕЛА БАЧАТЫ БЕЛОВСКОГО РАЙОНА

Важной составляющей современного кузбасского краеведения является поиск новых данных, свидетельств и сохранение памяти о жертвах политических репрессий, введение в научный оборот новых документов, касающихся этой темы.

Лагерь и спецпоселения Кузбасса стали местом последнего упокоения множества репрессированных и осужденных. Среди них было значительное количество священнослужителей. Истребление представителей духовного сословия являлось частью тоталитарной политики большевиков и преследовало цель искоренить чуждый для советского строя элемент: «церковников и попов». На сегодняшний день мартиролог пострадавших за веру в лагерях Кузбасса составляет 176 человек¹, из них 37 причислено к лику святых [5, с.19-117]. Все они погибли в лагерях Кузбасса, в основном были расстреляны в ходе организованных в лагерях групповых политических процессов 1937 года либо умерли там от болезней, полугодного существования и непосильной работы.

Среди них были как представители высшей церковной иерархии, например, Серафим (Самойлович), временно исполняющий обязанности заместителя Патриаршего местоблюстителя, архиепископы Павлин (Крошечкин), Амфилохий (Скворцов), епископ Аркадий (Ершов), архимандриты Неофит (Осипов), Мина (Шелаев) и другие, так и простые безвестные батюшки и миряне, пострадавшие за веру. Таким безвестным священнослужителем являлся причисленный в 2000 г. к лику святых Анатолий Афанасьевич Левицкий, благочинный из села Бачаты.² Настолько безвестным, что только в самое последнее время, в конце нулевых годов стало известно, что он служил на нынешней канонической территории Кемеровской и Новокузнецкой епархии в селе Бачаты и там был арестован в 1933 г. Таким образом, на сегодняшний день это единственный священномученик из Кузбасса.

В настоящее время студентами и преподавателями Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета собраны наиболее полные данные о пострадавших в годы советской власти

священнослужителях. Эти данные представлены в электронном виде на сайте университета. Электронная база данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета содержит сведения о более чем 32 тыс. пострадавших от религиозных гонений [6]. О священнике Левицком в ней содержатся весьма скудные данные, уместающиеся в несколько строчек.

Знакомство с архивными документами дало возможность более полно узнать о судьбе Левицкого, проанализировать протоколы допросов, начиная с 1933 года и заканчивая 1937. Выяснилось, что Левицкий до 1933 служил в Никольском храме в селе Бачаты Беловского района. Изучение анкеты заключенного и учетно-статистической карточки позволили восстановить подробнее канву его жизни.

Анатолий Афанасьевич Левицкий родился в 1894 году в поселке Воткинский завод Вятской губернии, Сарапульского уезда. Воткинский завод был небольшим промышленным городом, возникшим в 18 веке вокруг железоделательного завода. Здесь были горное училище, 3 мужских и две женских школы, 7 храмов. В одном из них служил иереем Афанасий, отец Анатолия. Можно предположить, что род Левицких являлся большим священническим родом. Так, священник Иоанн Левицкий, в 1897-1901 годах входил в строительный комитет воткинской Спасо-Преображенской церкви и, возможно, служил в этом храме.

В годы революции и Гражданской войны в Воткинском Заводе проводились особенно свирепые расправы над священнослужителями. Большинство воткинских священников или пропали без вести, или были расстреляны. Можно предположить, что в ходе этих репрессий пострадал и род Левицких. Во всяком случае, Анатолий Афанасьевич о послереволюционной судьбе отца в анкетах ничего не сообщает.

Левицкий, как представитель священнического сословия пошел по стопам отца. В 1919 году закончил Вятскую Духовную семинарию. Но над страной уже кружил вихрь гражданской войны, который захватил и молодого выпускника семинарии. В 1919 году Анатолий начал служить в армии Колчака письмоводителем при штабе Воткинской дивизии. Вместе с армией эвакуировался из Урала в Сибирь.

¹ Из них пять человек были убиты в ходе Гражданской войны.

² Отец Анатолий в протоколах допросов писал свою фамилию так: «Левитский».

В 1920 году армия Колчака была разгромлена. Теперь служба в Белой армии даже в должности писаря, как и происхождение из духовного сословия были в глазах новой власти очерняющими обстоятельствами. Несмотря на опасные для сословия священников обстоятельства, в 1922 году, когда уже шли репрессии против церкви, Анатолий принял сан и начал служение. Сразу же вслед за этим он лишился избирательных прав. Был женат на Надежде Николаевне, которая позже работала счетоводом на железнодорожной станции Топки. Детей в супружестве не было, и жили они потом отдельно. Вместе с отцом Анатолием проживала его мать Мария Александровна. [1, л. д. № 91-92].

Первые Анатолий Левицкий привлекался органами ОГПУ в 1928 году «за распространение провокационных слухов», но за отсутствием улик был освобожден. К 1933 году он уже являлся благочинным, проживал в селе Бачаты Беловского района, служил, как уже упоминалось, в Никольском храме.

26 января 1933 года Левицкого арестовали по месту проживания в селе Бачаты, обвинив его в контрреволюционной деятельности. По делу проходили священники семи имеющих в Беловском районе церквей.

Начались допросы. Их было три: 31 января, 16 февраля и 18 февраля.

На первом допросе от 31 января 1933 года по настоянию следствия отец Анатолий кратко излагает свою биографию. Он также напрямую выражает свое отношение к советской власти. Приводим полный текст допроса: «Мой отец был священником. Я до 1918 года учился в Вятской духовной семинарии, в 1919 году я служил в армии Колчака письмоводителем. С армией Колчака эвакуировался с Урала в Сибирь, где в 1922 году принял сан священника. В этом же году я был лишен избирательных прав. К советскому строю я питаю лишь классовую ненависть, а особой ненависти у меня нет, я хорошо знаю, что советская власть к нам относится безразлично, не трогает нас, но политика советской власти и коммунистической партии перевоспитывает народ, а поэтому с каждым годом и днем верующих становится меньше и скоро наступит тот день, когда в церковь ходить никто не будет. Будучи лишенцем, я хорошо знаю, что меня ни в какие учреждения Советского Союза работать не возьмут. Имея в душе ненависть к существующему строю, я эту ненависть открыто не проявляю и подчиняюсь всем постановлениям советского правительства.

Проживая в селе Бачаты, я часто бывал у священника (...)»³. В конце 1932 года, месяца и дня я не помню, я был в квартире у священника (...), в это время у него в доме была и посторонняя пуб-

лика, этим людям священник (...) при мне говорил, чтобы они в колхоз не вступали, так как они там погибнут, ... и колхозников будут убивать. Я лично не придавал его словам никакого внимания, я на это его не поощрял и влияния на него никакого не производил. У меня на исповеди были случаи, что верующие спрашивали: «Батюшка, а в колхоз не грех вступать?» Я на это отвечал, что «у нас нет на это запрещения, и я этот грех снимаю». Сам я лично никакой агитации и пропаганды не веду» [1, л. д. № 43-44].

Левицкий сделал опасное для священника N признание. Он показал, что одна фраза, под которую можно подвести антиколхозную а значит и антисоветскую агитацию в его присутствии этим священником была сказана. Однако из контекста можно понять и так, что отцу Анатолию предъявили обвинение в недоносительстве: слышал, но не сказал и что об этом разговоре священника N следствию уже было известно.

Действовала обычная следственная практика тех лет: показания одного зачитывались другому обвиняемому, обвиняемых стравливали, заставляли все больше и больше рассказывать друг о друге. Во время первых допросов отец Анатолий это еще не вполне осознавал. Когда ему предъявили обвинения в контрреволюционной деятельности, объявляя его главным фигурантом дела, он, конечно, испытал недоумение, смятение. Может быть, отец Анатолий, действительно, начинает думать, что в его окружении были контрреволюционеры, плетущие заговор, или возможно, его кто-то пытается оговорить.

Это смятенное, подавленное и нестойкое состояние отражает протокол допроса от 16 февраля 1933 года. В нем он называет имена священников, членов церковного совета, которые высказывали недовольство советской властью, вели себя якобы подозрительно. Вполне возможно, что он сам в это искренне верил. Не исключено, что названные участники процесса свидетельствовали против него.

Протокол допроса от 16 февраля 1933 года:

«Левицкий: Современное духовенство, в частности священники Беловского района, состоящие в моем подчинении как то: (...), будучи морально и материально ущемлены, имея весьма безотрадны перспективы на дальнейшее существование, то есть с каждым днем все меньше и меньше становится верующих, а следовательно и уменьшаются доходы священников, питают ненависть к существующему строю – совласти. Эту ненависть они изливают в беседах между собой, в узком кругу обсуждается дальнейшее существование. Это недовольство существующим строем, существующей политикой в отношении духовенства со стороны партии и правительства мне лично приходилось слышать от перечисленных выше священников при посещении их во время объездов по благочинию. За разговорами, выражающи-

³ В имеющихся в распоряжении автора документах все фамилии за редким исключением были вымараны.

ми недовольство на существующее положение священнослужителей, крылось желание изменить существующий строй, крылось желание вернуть старое – прошлое положение священника, каковым оно было в дореволюционный период. Я неоднократно предупреждал названных выше священников, что подобные разговоры не нужно вести, что с ними можно оказаться в неприятном положении. Но мои советы и увещания очевидно не действовали. Особенно характерным я считаю поведение священника (...), который вел себя крайне подозрительно и творил явно незаконные действия. Например, за время моих четырех к нему посещений мной установлено, что (...) очень часто собирал собрания под видом перевыборов церковного совета, тогда как по закону церковный совет выбирается на три года, а в Салаире по вопросу о перевыборах и другим вопросам проводились собрания гораздо чаще. Так, за последнее время, насколько мне известно, проводилось три-четыре собрания. Кроме того, при посещении я всегда заставал у священника (...) группу мужчин и женщин, в квартире у них всегда фигурировал председатель церковного совета (...), по социальному положению как будто кулак. Что говорилось на этих собраниях и сборищах на квартире я точно сказать не могу. С появлением меня эти группы расходились по домам.

Не менее характерен по своей подозрительности тот факт, что салаирский церковный совет, руководимый (...), имеет какую-то связь с Барнаульской обновленческой общиной, куда в эту уже зиму председатель церковного совета выезжал три раза якобы за покупкой свеч, тогда как в этих поездках совершенно нет большой надобности, так как свечи можно получить почтой непосредственно из Москвы или из нашей Томской епархии. Тем более это становится подозрительным, потому что в Барнауле нет общины сергиевского течения, а только обновленческого. И командировки притом столь частые из-за одних лишь свечей явно бессмысленны. Причем в должности второго священника в лице Троицкого, оказавшегося без документов по протекции (...), также имеет связь с неблагонадежным элементом. Этот Троицкий со слов заштатного священника (...), проживающего в настоящее время в Салаире, был осужден властью на восемь (...), 8 лет, и из-под стражи бежал, об этом знал (...), принимая его вторым священником в свою церковь. Но об этом не (донес) ни мне, ни властям» [1, № 45-46]

Анатолий Левицкий отгораживается от предполагаемых заговорщиков, но роль главного заговорщика уже приуготовлена именно ему.

Судя по содержанию последнего допроса, отцу Александру становится известно о лжесвидетельствах, якобы доказывающих проведение нелегальных контрреволюционных сборищ в его квартире. Он начинает понимать механизм запуска оговоров, срамливания обвиняемых, манипули-

рования, которым управляет следственный комитет, для того, чтобы сложилась нужная следствию картина.

На последнем допросе батюшка не дает никаких признательных показаний и отрицает свою вину в организации контрреволюционных собраний.

Протокол допроса от 6 мая 1933 года:

Левицкий: «(...) я знал как председателя церковного совета с. Бачаты, где я и занимал должность священника-благочинного, отношения были дружественными, мы бывали друг у друга в гостях, как связанные общностью церковных интересов. Бывали случаи, что (...) бывал у меня в квартире, вместе с (...) последний хотя и никакого отношения к церкви не имел, но бывал у меня в доме как старый мой знакомый, ему я после отбытия его ссылки в Нарыме оказывал материальную помощь – давал взаймы деньги, так как, выйдя из ссылки в 1932 году, он не имел своей шубы. (...) также бывал в моем доме, как мой хороший знакомый. (...) является хозяином моей квартиры. Никаких нелегальных собраний в моей квартире с обсуждением политических вопросов в моем присутствии не было, что же касается того, что в моей квартире в этих случаях закрывались окна – окна в моей квартире вообще закрывались вечером при огнях. Показания (...) о том, что у меня в квартире бывали нелегальные контрреволюционные сборища, я отрицаю и считаю их ложными, так как хотя и названные лица у меня в квартире бывали, но на политические вопросы суждений не вели. Больше добавить ничего не имею» [1, № 91-92]

К сожалению, нет возможности сравнить показания отца Анатолия с другими. Но в итоге его сделали главным обвиняемым по этому делу, объявив руководителем «церковно-монархической повстанческой контрреволюционной организации», которая имела целью «вооруженное выступление против советской власти на случай интервенции». [1, № 107]

В мае 1933 года отец Анатолий был осужден «тройкой» при ОГПУ на пять лет концлагерей и сослан в Сиблаг. К тому времени он уже болел туберкулезом.

В учетно-статистической карточке заключенного есть несколько штрихов, запечатлевающих внешность Анатолия Левицкого: рост средний, телосложение правильное, волосы светло-русые, глаза серые, нос большой. [2, № 34]

Из пересыльной тюрьмы осужденного отправили в Ново-Ивановский лагерный пункт. Ново-Ивановский ОЛШ являлся сельскохозяйственным отделением Сиблага. При нем была свиноферма, сельскохозяйственные угодья, на которых работали заключенные. Кое-что из производимой продукции попадало на скудный стол заключенных. Но в остальном порядки там были такие же суровые, как и в других советских концлагерях. Писать письма на волю, получать оттуда посылки

разрешалось лишь раз в месяц. А для осужденных за контрреволюционную деятельность, как для отца Анатолия, лишь один раз в три месяца. Свидания – раз в полгода. Заключение жили в переполненных, плохо протапливаемых бараках. Работали по 12-13 часов [4, с. 60, 75].

Несмотря на такое «деревенское содержание», лагерь оказался злокозненным для многих его обитателей и в особенности священнослужителей. Здесь было организовано два политических процесса, по которым были вынесены смертные приговоры.

После печально известного секретного указа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», который дал старт новому витку террора, в лагерях Кузбасса были организованы несколько групповых политических процессов: Антибесский – 2 процесса, Ахпунский – 2 процесса, Ново-Ивановский – 2, Сусловский – 1, Юргинский – 2.⁴ Таким образом, всего по нашим данным прошло девять процессов, которые закончились для подавляющего большинства их участников казнями. Всего в Кузбассе к этому времени существовало 16 лагерей Сиблага. [3, с. 67]

Процессы в лагерях, как и повсеместно, заранее режиссировались: подбирались жертвы, «руководители». Сразу после указа НКВД № 00447 в лагерях произвели перемещения заключенных: некоторых епископов, архиепископов перевели в те лагеря, где планировалось организовать крупные групповые политические процессы. Так, архиепископа Евсевия Рождественского в августе 1937 года переводят из Юргинского в Ахпунский лагерь. Епископ Аркадия Ершов в сентябре 1937 года был переведен из Мариинского распределительного пункта в Ново-Ивановский лагерь, где готовилось дело архиепископа Павлина (Крошечкина) По нему был арестован и Анатолий Левицкий.

В деле сохранилась характеристика на Анатолия Левицкого, написанная после его ареста, 3 октября 1937 года начальником 3-й зверофермы. Все подобные характеристики были стандартно отрицательными: «За время содержания в Ново-Ивановском отделении при III-й звероферме содержался в подконвойном городке на общих подконвойных работах. К выполнению порученной работы относился плохо, потому что вместо мобилизации масс на выполнение задания способствовал разложению в бригадах дисциплины, создавал не доверие руководству, что способствовало падению трудовой и лагерной дисциплины» [2, л.д. № 35].

Аресты всех участников процесса прошли 30

сентября-1 октября 1937 года. Было арестовано восемь заключенных: архиепископы Павлин Крошечкин, Глеб Покровский епископ Аркадий Ершов, иеромонах Петр Чернышов, священник Никандр Чернелевский, псаломщик Кириан Анников, имя восьмого арестованного установить не удалось. Сразу же они были допрошены.

На допросе отец Анатолий был тверд, немногословен. Теперь его не сбивали с толку ничьи показания и свидетельства. Он усвоил: любые компромиссы со следствием невозможны, они не улучшают участи и только растравляют совесть. Вины своей не признал.

Протокол допроса от 30 сентября 1937 года:

Вопрос: «Вам предъявляется обвинение, что вы, находясь в подконвойном городе Ново-Ивановского отделения, участвовали в контрреволюционной группе, возглавляемой заключенным Крошечкиным, вели среди заключенных контрреволюционную агитацию, направленную на дискредитацию соввласти. Дайте показания по существу предъявленного вам обвинения.

Ответ Левицкого: Предъявленные мне обвинения я отрицаю. В контрреволюционной группе я не участвовал. Не отрицаю, что с заключенным (...) я знаком, также не отрицаю и того, что с каждым из указанных мной лиц неоднократно беседовал по вопросам, касающимся только нашей службы в прошлом, но вопросов политического характера в беседах не затрагивали. Не скрываю, я и (...) собирались на исполнение своих религиозных обрядов. Надо отметить, что (...) бывал на этих сборищах реже, чем мы все остальные.

Вопрос: Кто руководил этими сборищами?

Ответ Левицкого: Этими сборищами руководил (...).

Вопрос: Кто оповещал вас об этих сборищах?

Ответ Левицкого: Оповещать никто не оповещал, но заранее условливались о времени и месте сборища.

Вопрос: Вы не говорите всей правды, скрываете. На этих сборищах велись контрреволюционные разговоры. Следствие требует говорить правду.

Ответ Левицкого: Я заявляю, что на этих сборищах проводилось только исполнение религиозных обрядов. На политические темы мы никаких разговоров не вели, и контрреволюционных разговоров там не было.

На дополнительных допросах (без даты) ему зачитываются показания «свидетелей». Но отец Анатолий уже знает цену этим «свидетельствам» и способ их получения.

Вопрос: «Вы на допросе 30 сентября сего года отрицали вашу принадлежность к контрреволюционной группе, а также отрицали, что вы занимаетесь контрреволюционной агитацией. Вам зачитываются показания Серебренникова, избличающие вас в вашей контрреволюционной агитации. Дайте правдивые показания следствию.

⁴ Сводные данные по процессам сделаны на основе выборки приговоров, приведенных в книге: Новомученики и исповедники земли Кузнецкой Кемерово, 2011.

Ответ Левицкого: Показания Серебренникова я категорически отрицаю, ни о каком советском собачьем ящике я не говорил. Также не говорил во время проверки, что получается как при опричнине Ивана Грозного. И не говорил 26-27 сентября о шкурке от жидовского чина. Никакой контрреволюционной агитацией я не занимался и заниматься не намерен.

Вопрос: Вы лжете, дайте правдивые показания.

Ответ Левицкого: Я дал правдивые показания, так как я этого не говорил.

Вопрос: Вы отрицаете, что вы занимались контрреволюционной агитацией, но вы изобличаетесь свидетельскими показаниями. Вам зачитываются показания свидетеля {...}. Дайте следствию правдивые показания.

Ответ Левицкого: Показания свидетеля {...} я отрицаю, так как это ложь.

Вопрос: Вам зачитываются показания третьего свидетеля Савченко, изобличающие вас в контрреволюционной агитации. Дайте правдивые показания.

Ответ Левицкого: Показания Савченко я отрицаю, так как я этого не говорил.

Вопрос: Вы категорически отрицаете показа-

ния всех свидетелей, но вы лжете. Дайте следствию правдивые показания.

Ответ Левицкого: Все показания свидетелей я отрицаю полностью, так как на меня показывают ложно.

Вопрос: Что еще можете показать по вашему делу?

Ответ Левицкого: Больше по делу показать ничего не могу» [2, л.д. № 30, 31, 33].

Если сравнить протоколы допросов 1933 года и 1937, то, как видно, они разительно отличаются друг от друга. В последнем нет ни уныния, ни попытки оправдаться, не называются имена – ни единого компромисса. В лагере отец Анатолий как будто обрел духовную силу и твердость.

28 октября Анатолия Левицкого и других обвиняемых приговорили к высшей мере наказания. 3 ноября 1937 года он вместе с другими шестью осужденными был расстрелян и погребен в известной могиле. Судьба восьмого безымянного арестованного неизвестна. На Архиерейском Соборе РПЦ 20 августа 2000 года были причислены к лику святых пять казненных по делу архиепископа Павлина Крошечкина священнослужителей, среди которых был и отец Анатолий Левицкий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив УФСБ России по Кемеровской области, д. № П-12346.
2. Архив УФСБ России по Кемеровской области д. № П-12421.
3. Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса 1929-1956. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2009. – 430 с.
4. Геоздкова Л. И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса. 30-40-е годы. – Кемерово: Кузбассвуздат, 1994. – 258 с.
5. Новомученики и исповедники земли Кузнецкой. – Кемерово: Скиф, 2011. – 408 с.
6. Новомученики и исповедники за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке: электронная база данных/ Православ. Свято-Тихон. Гуманитар. Ун-т URL http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 12 июня 2012).

□ Автор статьи:

Правда
Вера Леонидовна,
канд. истор. наук, доцент каф.
отечественной истории, теории и исто-
рии культуры КузГТУ,
Email: veralavrina@yandex.ru

* От редакции

Кроме репрессированных священнослужителей, об увековечении памяти которых обеспокоилась, на пространстве от Темиртау до Мариинска и далее на север, до Васюганских болот, в 1931-1953 гг. были уничтожены сотни тысяч простых и не простых смертных без различия вероисповедания – «троцкистов» и старых большевиков, «уругвайских шпионов», «инженеров-вредителей», вузовских профессоров и литераторов, забывших правило «держат язык за губами», бывших белых и красных офицеров, владельцев двух лошадей или коров (раскулаченных «в порядке разрядки» как врагов колхозного строя)... – с соизволения Мудрого Вождя и Учителя, до сих пор почитаемого политическими спекулянтами («тогда был Порядок») и деятелями, оказавшимися отодвинутыми «от кормушки власти». Памятники, заложенные в 90-х, не установлены. Интерес к людям, объявленным «врагами народа», угас? Из-за традиционной российской недоступности архивов или погружения современных историков в «ценности общества потребления»?